

Вера СЫТНИК

Родилась в Комсомольске-на-Амуре. Филолог по образованию, окончила Омский государственный университет. Работала музыкальным руководителем в детском саду, корреспондентом районной газеты, преподавателем мировой художественной культуры, русского языка и литературы. С 2006 по 2019 год проживала в Китае, где преподавала русский язык.

Автор двадцати книг для детей и взрослых, участница коллективных сборников, альманахов. Публиковалась в журналах «Нижний Новгород», «Берега», «Южная звезда», «Сура», «Новая скала», «ЛитОгранка», «Православная радуга» и других. Лауреат ряда литературных конкурсов, обладатель специального приза от издательского дома РПЦ на Международном славянском форуме «Золотой Витязь» (2018) в номинации «Дорога к храму».

Живет в Эссентуках, Ставропольский край.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В палату вошёл главный врач госпиталя. За ним семенили две монашки: одна старая, согбенная, еле ноги передвигала. Другая молодая. Обе во всём черном, видны только лицо и кисти рук. Огромный крест на груди у старшей. Молодой на вид лет около тридцати, как и Роману, который лежал напротив входа, поэтому первым увидел вошедших. Увидел и недовольно поморщился. Эти двое приходили уже третий раз – всегда с угощением. Раздавали лежащим в палате парням яблоки, печенье, конфеты и книжечки на религиозную тему. Парни угощение брали, затем подолгу беседовали с необычными посетительницами. Кто о чём. Все они соскучились по своим домашним и воспринимали монашек как бабушку и сестру.

Женщины были внимательными, тихими. Голос у старшей шуршал, как высохшие осенние листья под ногами, а у младшей струился ручейком и звучал тоненько-тоненько, как верхние звуки металлофона. В младшей группе детского сада, куда ходил Роман, была такая игрушка. Девчонки любили бить молоточками. Роман хорошо запомнил те звуки. Они вызывали в нём желание заплакать, зареветь в голос. Так и сейчас, стоило младшей вслед за старшей сказать «Добрый день!», как почувствовал, что на глазах закипают слёзы. Впрочем, они готовы были брызнуть в любую минуту, не только во время прихода монашек. Но Роман сдерживался.

– Принимайте гостей, орлы! – начальник госпиталя быстрым взглядом оглядел пациентов, проверяя, всё ли нормально, и подошёл к Роману, заметив, что у того покраснели глаза. – Как дела? Перевязку делали сегодня?

Он поднял правую руку Романа. Рука была без кисти. Обрублена почти до локтя. Плотный бинт обнимал культю.

– Чисто, – отметил начальник госпиталя. – Завтра посмотрю, если всё хорошо, будем готовить на выписку домой! Рад?

– Не знаю... – пробурчал Роман.

– Ну, ну, ты мне это брось – «не знаю». – Радоваться надо! Домой поедешь! В Эссендуки, как я помню? Сколько там не был? Год?

– Полгода...

– Знают твои о тебе? Об этом?

Врач осторожно опустил руку.

– Не знают...

– Надо сказать. Подумай об этом, наберись духу и скажи. В их любви не сомневайся.

– Я в себе сомневаюсь, доктор...

– Брось это упадничество, Роман! Поговори-ка с матушкой. Или с сестрой. Поговори!

Раненые, их было шестеро в палате, прислушивались к разговору. Когда начальник ушёл, все повернулись к товарищу, который был один такой – с ампутацией. Остальные отделались ранениями средней тяжести и понимали, как непросто Роману привыкать к новому положению. За месяц пребывания в госпитале он ни с кем не подружился. В основном молчал, с каждым днём углубляясь в себя. Когда появились монахини, все потянулись к ним – за добрым словом и состраданием. Роман сохранял равнодушие, демонстрировал отстранённость и, казалось, не нуждался в сочувствии. Его нахохлившийся вид выражал безразличие к жизни. Гостинцы брал с неохотой, на вопросы отвечал односложно, а когда старшая монахиня в первый визит посоветовала: «Бог милостив! Нужно молиться и просить утешения», крикнул, едва сдерживая накопившуюся в нём ярость:

– Не говорите мне о Боге! Где Он? – поднял культу, потряс ею перед лицом опешившей монашки.

– Это ваш Бог? Не хочу такого Бога! Не говорите мне о Нём!

Отвернулся к стенке и так лежал, пока монахини не ушли. По правде сказать, они не сильно лезли в душу. Подойдут, положат угощение на тумбочку, поинтересуются, как дела, откуда, сколько лет. Простые вопросы. Однако как-то так получалось, что уже через пять минут общения каждому хотелось подольше поговорить с ними. Особенно с той, у которой висел крест. В её шуршащем голосе было столько теплоты и сострадания, столько лучистой любви изливали светленькие глазки, что никто не желал отпускать её от себя.

На самом деле Роман был не прочь поговорить со старшей. Да и с младшей тоже. Может быть, лучше с младшей, потому что она напоминала ему его жену. Такая же темнобровая, кареглазая. Но он боялся, что стоит услышать ласковое слово в свой адрес, почувствовать тёплый женский взгляд на себе, как он разрыдается. Опасался, если старшая подойдёт и погладит по голове, как она это делала с другими, он не выдержит, обхватит её колени, уткнётся в тёмное одеяние, зароется в складки, спрячет от мира лицо и разрыдается. Если подойдёт младшая и заговорит с ним звонким голоском, напоминающим сладкое детство, то он и вовсе заревёт в голос, напугает окружающих. Да и стыдно. Стыдно и больно.

Роман крепился, встречал монахинь недовольным взглядом. Те перестали к нему подходить. Это тоже раздражало. Может быть, даже сильнее, чем их попытка разговаривать. Ему хотелось внимания. Он жаждал любви и... не жалости, нет, не понимания. Хотелось, чтобы кто-то разделил с ним тяжесть его ноши, неподъёмной для одного. Ему были невыносимы думы о физической ущербности, с которой невозможно примириться и не думать о ней каждую минуту. Но он отталкивал от себя всякого, кто подбирался к нему с задушевными разговорами, пытаясь вытащить на свет

боль, чтобы она потеряла остроту. Он устал от неё и в то же время лелеял, не отпуская и никому не давая возможности дотронуться до неё словом.

Роман не понимал себя. Его бросало из крайности в крайность: то хотелось рыдать, то кидаться на всех, рвать зубами, кусаться, лишь бы отвлечься от страданий иного плана, нежели физических. Рука перестала болеть, как болела после того ужасного взрыва. Вражеский беспилотник появился, когда Роман и два его товарища готовили танк к бою. Роман зачем-то отошёл в сторону, в это время рвануло. Обернулся на взрыв и потерял сознание. Очнулся весь в крови. Сослуживцы потом пытались найти руку, но, кроме ужасного месива на траве, ничего не увидели. После операции рука, вернее то, что от неё осталось, болела так, будто жгли калёным железом. Роман чувствовал пять несуществующих пальцев и пытался сжать их в кулак. Ночами кричал оттого, что кулак не сжимался, а хотелось сжать, чтобы, наконец, проснуться от кошмара. Однако кошмар не кончался.

Теперь боль поутихла, но к ней присоединилась другая, которая припекала Романа изнутри. Монахини появились вовремя, когда от доселе незнакомой внутренней боли хотелось сделать что-то страшное, непоправимое, худшее, чем тот взрыв. Да, Роман, остался жив. Двое товарищей погибли. Но мысль, что лучше бы погиб вместе с друзьями, не покидала его. Знал, что монахини пришли от Бога. Но ведь где этот Бог, совершенно непонятный Роману? Слышал о Нём, но никогда не задумывался о том, что конкретно Бог значит для человека, что Он может? Вообще, зачем Он? Однако подозревал, что там, где Бог, там и спасение. На передовой многие бойцы вдруг вспоминали о Боге. И было в этих разговорах нечто таинственное, нечто укрепляющее дух.

От монахинь исходила спокойная сила, в которой нуждался Роман. Но он не мог себя преодолеть, чтобы обратиться к таинственным женщинам в чёрных одеждах. Сегодня они зашли в палату, раздали подарки и повели разговор о Великом посте, о том, что скоро Пасха, церковный праздник, знаменующий собой воскресение «Господа нашего Иисуса Христа». Сказали, что во время поста надо молиться с особым усердием и «Господь обязательно услышит вас». «А как молиться? А если не крещён?» – хотел спросить Роман, но слова застряли в горле.

Молодая монахиня подошла к нему, почувствовав в его взгляде скрытый призыв к разговору. Роман испугался, что сейчас она начнёт расспрашивать, а он в ответ растеряется, разозлится, и хотел отвернуться к стенке. Но монахиня остановила его движением руки: поправила одеяло, погладила и перекрестила крестом.

– Бог ждёт тебя, Он терпеливый, – шепнула одними губами.

Роман услышал. От её лёгкого, как пёрышко, прикосновения стало легче.

– Постойте...

Левой рукой поймал край подрысника.

– Пожалуйста, позвоните моей жене, она не знает. Я не могу сказать.

Вот телефон...

Торопливо стал перебирать контакты на смартфоне, помогая себе крестом.

– Вот, позвоните по этому номеру... Ларисой звать...

Монахиня сделала пометку в телефоне.

– С Божьей помощью. Всё будет хорошо, позвоню обязательно.

И неслышно отошла. Роман облегчённо вздохнул.

Через два дня его выписали из госпиталя. Вручили документы, проездной билет, сказали: «Бывай!», и Роман оказался предоставленным са-

мому себе. Незнакомое ощущение. Последние два года выработали стойкое ощущение, что он принадлежит – душой и телом – части, в которой служил. И всё было гладко: он знал, что делать, куда идти, когда отдыхать, а когда спать. Это сильно отличалось от того, что было до СВО. Не имея профессионального образования, Роман перебежал с одной работы на другую: то грузчиком поработает, то на стройке, а то водителем грузовика или разносчиком пиццы. Последнее ему особенно нравилось, потому что давали неплохие чаевые. Но всё это было нестабильно.

Когда началась специальная военная операция, сразу пошёл добровольцем. Захотелось настоящего мужского дела, а, кроме того, на Донбассе жила бабушка, у которой в своё время он проводил летние каникулы. Нужно было защищать её от нацистов. Потом бабушку перевезли в Ессентуки. Теперь она живёт вместе с Ларисой и родителями Романа в частном доме на окраине города. Наверняка ждут весточки от него. Он же сообщил, что попал в госпиталь, но скрыл – с какой проблемой.

И вот – всё закончилось. Назад на СВО дороги нет. Добровольческая армия выплюнула его. Товарищи продолжают дело, выше которого нет ничего на свете, – Родину защищают. А ему предстоит решать – как жить дальше, а главное, для чего? Какой смысл имеет жизнь, если нельзя ею пользоваться полноценно? Если нельзя походить на двух руки вверх ногами, как это иногда шутки ради любил делать Роман, вызывая восхищение девчонок и зависть парней? Мысли о будущем ужасали его. Мир перевернулся. И надо было удержаться на перевёрнутой плоскости, чтобы не рухнуть вниз, не разбиться в новой реальности, которая казалась враждебной, несмотря на жалостливые взгляды, которые он ловил на себе.

Роман сидел в поезде. Близилась ночь. Сумерки заглядывали в окна. Зажёгся свет, и в вагоне сразу стало по-домашнему уютно. Плацкартный вагон был полон людьми – здоровыми, с руками, с ногами. Молодые погрязли в телефонах, а те, кто постарше, раскладывали еду на столиках, листали журналы. Их руки так и летали, так и порхали, так и лезли в глаза Роману, словно нарочно подчёркивали его теперешнее уродство. Кто-то попытался заговорить об СВО, о том, «как там оно на самом деле?», но, наткнувшись на тяжёлый взгляд, умолкал. А после того, как Роман демонстративно закинул ногу на ногу и положил на колено культю, никто не отважился лезть к нему с расспросами.

Напротив расположилась рыжеволосая девушка – остроносая, с конопушками на скулах, с короткой стрижкой, улыбчивая, словоохотливая. Она познакомилась со всеми в купе и так и сыпала вопросами. Если не дожидалась ответа, снова спрашивала. Так повторялось и повторялось, и было в этом что-то милое и смешное, что-то очень детское, что заставило Романа внутренне улыбнуться. Ему она не задавала никаких вопросов и даже не глядела в его сторону, хотя не глядеть было трудно. Роман поразил её броской красотой, которая останавливает на себе взгляды незнакомых людей, особенно девушек. Чуть выше среднего роста, крепкое телосложение, короткая тёмная борода и тёмные брови над глазами, в которых затаилось выражение взгляда раненого зверя, и опять же – культя... Он производил впечатление сгустка энергии, силы. Был как снаряд, готовый выстрелить. Госпиталь несколько стёр это впечатление, но мышцы остались, и остался природный шарм, усиленный настроением трагизма.

Чтобы не быть объектом всеобщей жалости, Роман решил лечь спать. Забраться на верхнюю полку и никого не видеть. Он встал и начал доставать постельное бельё из пакета. Бельё не давалось, заставляя

нервничать. Тотчас подскочила рыжеволосая соседка и твёрдо, не допуская возражений, вырвала пакет из рук. Молча расстелила простыню на верхней полке, натянула наволочку на подушку, раскинула одеяло, затем вернулась на своё место.

Роман ничего не сказал в ответ. Взобрался наверх по лестнице, помогая себе здоровой рукой, лёг и отвернулся к стенке. Девушка внизу смолкла. Перестала задавать пассажирам вопросы, может быть, потому что уже обо всём расспросила их. А может, потому что Роман покинул компанию. Несмотря на её уловки не замечать Романа, её интерес к нему был очевиден. Роман это понял, когда на долю секунды взгляды их встретились и оба словно обожглись.

Включился ночной свет. Пассажиры легли спать. Поезд бежал в ночи по России. Пересекал реки, равнины и пробирался сквозь леса. Над ним, как и над частью страны, было чёрное небо с редкими звёздочками. Его маршрут пролегал из столицы на юг, на Кавказ, в Ессентуки, где Романа ждали родители, бабушка и жена. Теперь, наверное, уже знают про увечье. Монахиня, должно быть, позвонила, нашла нужные слова. Как восприняли родные новость? Он скоро узнает. Ну и что с того? Какое это имеет значение? Всё теперь не так, как прежде, и он, Роман, уже другой.

Поезд бежал по России. Что ждало впереди тех, кто спал сейчас на полках? Что осталось у них позади? Стремилась ли они навстречу кому-то или от кого-то убегали? Железное нутро поезда, битком набитое разными судьбами, сотрясалось на стрелочных переводах и раскачивалось на поворотах. В нём перемешались и близко соседствовали радость и горе, счастье и беда, молодость и старость, нищета и богатство. Соединились несовместимые характеры, противоречивые взгляды, ненависть и любовь – всё то, что составляло суть общественной человеческой жизни.

Поезд тоже был маленькой Россией и тащил в себе проблемы огромной страны. Тащил предыдущую историю и надежду на счастливое будущее. В поезде сошлись, как всё сходится в России, разные религии, война и мир, стабильность и разруха сошлись. Между ними была разница лишь в том, что поезд мчался по чётко направленной колее, а Россия брела по бездорожью. Впрочем, и поезда сбиваются с пути и терпят крушения, и страны, блуждающие в кромешных сумерках, выходят на просторную дорогу.

Роман не смог уснуть. Долго смотрел в окно, где чернота скрывала землю, и думал о жизни. Домой возвращаться не хотелось. Сама мысль о том, как его будут разглядывать и жалеть, вызывала содрогание. Что делать? Жить на пенсию, как старик? Какой из него теперь разносчик пиццы? Пешком не сильно-то заработаешь, а сесть за руль хотя бы велосипеда – как? Куда он годен со своей культей? И вообще, всё это походило на затяжной кошмарный сон: взрыв, провал в темноту, адская боль, транспортировка на самолёте в Москву, снова темнота, тяжёлое пробуждение, снова боль и ощущение, будто находишься на дне пропасти, из которой надо выбраться, но мешает замотанная в бинты рука. В первое время Романа преследовали сны, как будто он делает подход к турнику, хочет уцепиться за перекладину, тянется, хватается руками и падает, падает в пропасть, из которой надо выбраться.

В середине ночи, когда часы показывали половину третьего, Роман спустился с полки. Остальные пассажиры спали, кроме рыжеволосой девушки. Она сидела у окна и смотрела в черноту. Увидев Романа, сделала жест рукой, приглашая сесть рядом. Роман зачем-то послушался

и сел. Девушка не выглядела разговорчивой, задумчивость читалась на её лице, освещённом тусклым светом ночника. Она отвернулась от окна и в упор смотрела на Романа, ожидая вопроса или хотя бы намёка на разговор. Но Роман молчал. Он испытывал растерянность, потому что впервые за последних полтора месяца ему было хорошо. От соседки, как и от монахинь, исходило ровное, устойчивое спокойствие. Девушка почувствовала настроение Романа, улыбнулась в темноте.

– Мне через тридцать минут выходить, – объявила тихо. – Пойдём со мной, солдатик?

Она придвинулась. Как человек, имеющий право, погладила Романа по рукаву рубашки. В этом прикосновении была молчаливая поддержка и понимание.

– Пойдём, – не задумываясь, согласился Роман.

Дальше всё происходило в молчании. Некоторое время сидели, касаясь друг друга плечами. Потом девушка поглядела на часы, вытянула из-под полки небольшой чемоданчик, встала и кивком головы предложила Роману следовать за ней. Роман достал вещмешок, кое-как натянул куртку и двинулся вслед за незнакомкой в тамбур, где проводник готовился открыть дверь. Поезд остановился, выпуская из себя судьбы этих двоих на простор, чтобы дать им свободу от чужих любопытных глаз. Сами они не чувствовали себя чужими. Напротив, всё больше проникались ощущением взаимной необходимости. Раздался гудок, и маленькая Россия, полная тревожных снов, помчалась дальше.

Они оказались одни на ночном перроне. Моросило. Небольшое здание вокзала светилось огнями. Слева виднелся храм. Очертания купола были размыты. Вокруг стояла вязкая тишина, нарушаемая удаляющимся звуком поезда. Вышли на привокзальную площадь, оказавшуюся под стать вокзалу маленькой, с узким тротуаром по периметру. Девушка вызвала такси. Через двадцать минут Роман уже рассматривал уютную кухню однокомнатной квартиры, сплошь увешанной фотографиями.

– Кто ты? – спросил Роман.

– Свободный художник, фотограф! – засмеялась рыжеволосая и поставила чайник на огонь.

Роман провёл у Киры четыре дня. Он отправил эсэмэску домашним, предупредил, что задержится у товарища, и – забыл о родителях, жене и бабушке. Забыл, что у него культия, что был на СВО, что лежал в госпитале. Кира ни о чём не спрашивала. Даже в ту первую ночь, когда сидели на кухне, пили чай, и Роман вдруг расплакался. Взялся за кружку, хотел сделать плоток, да не смог. Захлебнулся хлынувшими наружу слезами, которые копились не один день. Ему не было стыдно. Сладость освобождения от томившего его долгие дни страха была невыразимо приятна, желанна. Кира обняла Романа и ладошкой вытерла слёзы.

Они мало расспрашивали друг о друге. Это было не нужно. Объятия и поцелуи говорили больше слов. Больше слов говорили глаза и смех, который неожиданно проснулся в Романи, и он стал, как и прежде, весёлым парнем, готовым рассмешить Киру в любую минуту. Она смеялась, запрокинув голову, обнажая ровные зубы... В такие минуты Роман любовался ею. В обед она кормила его котлетами, а по утрам оладьями со сметаной. Варила кофе, ставила чашечки на поднос и несла в комнату. Роман барином сидел на диване, с восхищением наблюдая за Кирой. Иногда она уходила за продуктами. Роман скучал и встречал так, будто не видел целую вечность: хватал в охапку вместе с сумками и нёс на кухню. Кира смеялась.

Никто из них ни разу не обмолвился насчёт завтрашнего дня. Было довольно того, что сейчас они были вместе, будущее не имело значения. Кира не рассказывала, а Роман не спрашивал ни о её возрасте, ни о семье. Только один раз она выпала из общего настроения. Кто-то позвонил, Кира убежала на кухню и несколько минут разговаривала по телефону, убеждая не водить Маню в садик, а дать отдохнуть дома. Когда вернулась назад, тень беспокойства лежала на её лице. В ответ на молчаливый вопрос Романа ответила:

– Всё в порядке.

Через четыре дня позвонила мать и со слезами в голосе спросила о дне его приезда. Сказала, что бабушка не спит ночами, думает о нём, а жена не находит себе места. Роман очнулся. Разговор слышала Кира.

– Пора, – сказала она, – тебе нужно домой.

Тут же включили компьютер, купили билет на завтра.

На вокзал приехали ночью. Гудели колокола, из церкви валил народ. Люди, празднично одетые, выходили на улицу, их радостные лица сияли.

– Что это сегодня? – спросил Роман.

– Пасха! Мы с тобой всё проспали! Христос воскрес, Ромка!

– Ты веришь в Бога?

– Я знаю, что Он есть. И это так же точно, как и то, что есть солнце, луна, земля, ты и я. Христос воскрес! Пойдём, мы ещё успеем до поезда!

Она увлекла его за собой. Вошли в церковь. Пахло духотой, свечами и чем-то незнакомым. Кира осенила себя крестом.

– Ты крещённый?

– Нет...

– Вот как! Тебе надо обязательно покреститься. Тебя Бог спас.

– Почему ты так говоришь? Откуда знаешь?

– Знаю. Моего мужа убило два года назад на СВО, в самом начале. Дочка, три года, осталась. Его Бог почему-то не спас. А тебя спас. Надо благодарить за это.

Роман растерянно смотрел на Киру. И только сейчас увидел, сколько страданий спрятано в её серых глазах, которые он привык видеть лучистыми от счастья. А тут – сплошная горечь. Его пронзила мысль: Кира потеряла мужа, а теперь теряет его, Романа.

– Почему же Бог допускает зло?

– Ты не веришь в Бога и хочешь, чтобы Он был добрым? Всегда ли добр твой отец?

– Бывало, получал ремня от него в детстве.

– И Бог, как отец, учит нас.

– Чему же научил тебя?

– Любви и прощению.

– Прощать? Зачем? Я не прощаю, помню обиду.

– Затем. Если бы я простила, возможно, муж был бы жив. Не пошёл бы на СВО, не лез бы специально под пули. А в случае гибели, как это и произошло, у меня бы не было смертельного чувства вины, от которого меня спас Бог.

Кира купила и поставила свечку. Роман озирался по сторонам, стараясь разглядеть лики святых, показавшихся ему суровыми. «Прощать», – сказала Кира. Но как простить за оторванную руку, за будущее, которое готово проглотить Романа, утопив в людской жалости?

Они вышли из церкви, потому что объявили прибытие поезда. Перед расставанием Кира легонько поцеловала его, перекрестила. Сердце

Романа защемило. Запрыгнул в вагон. И поезд, уже другой, с другими пассажирами, но, по сути, всё та же маленькая Россия, тронулся. Время до утра Роман провёл в тамбуре. Курил без остановки, поглядывал на культу и думал, думал.

Его встретили на вокзале. День только начинался. В воздухе стояла свежесть. Роман вздохнул полной грудью – привычный воздух родного города! – и отдал себя в руки родных. Мать плакала, отец кричал от избытка чувств, бабушка кончиками платка промокала глаза, жена стояла чуть в отдалении и со страхом глядела на Романа. Роман через силу привлёк её к себе и поцеловал в голову. Лариса, милая, чёрненькая, кудрявая, была совсем не виновата в том, что Роману оторвало руку. Но он сердился, как будто это сделала она. Неприятно царапнуло воспоминание: когда уходил на СВО, движимый желанием защитить бабушку от наступления нацистов, жена подсчитывала, сколько денег прибавится на их общем счету. Тогда не обратил внимания, а сейчас вдруг вспомнилось.

Дома накрыли стол и до обеда сидели за трапезой. Отец после второй рюмки пустил слезу и начал говорить о счастье, которое, на его взгляд, заключалось в возможности ходить и дышать, а рука, что ж, рука – это второстепенное.

– Батя, замолчи, – попросил Роман.

Отец зашмыгал носом. Мать подкладывала Роману еды и старалась кормить.

– Левой-то непривычно, сынок? Давай помогу...

– Мама, я сам, – увёртывался Роман, с трудом удерживая себя, чтобы не убежать.

Бабушка не переставая спрашивала о танке, который взорвался. Роман устал объяснять, что ничего не понял, поэтому не может сказать про то, как произошло на самом деле. Взрыв, и всё. Бабушку это обескураживало. Её отец был танкистом и погиб под Сталинградом. Она видела связь между ним и внуком, поэтому требовала подробностей, которые Роману были неприятны.

– Бабуль, я тебе потом расскажу, как вспомню.

Бабушка обидчиво покачала головой, подозревая внука в эгоизме.

Лариса сидела рядом, со стороны культуры, и пыталась незаметно прикоснуться к обрубку мужниной руки. Её передёргивало, когда это удавалось.

– Да ё-моё! – воскликнул Роман. – На, потрогай нормально.

И положил культу жене на колени. Та с криком вскочила, заплакала и убежала. Вернулась через десять минут с красными глазами. Встреча оказалась ещё хуже, чем Роман предполагал. В обед ушёл под предлогом усталости. Под этим же предлогом попросил жену спать у бабушки в комнате на диване. Лариса надула губы, непонимающе ухмыльнулась и удалилась. На следующий день Роман чувствовал себя спокойнее. Злость на супругу прошла. Он решил доставить ей приятное.

– Ну как, готова идти в магазин? Я же теперь миллионер! Купим всё, что захочешь!

Вышли за калитку дома, доехали на маршрутке до центра. И чем дальше гуляли, заходя в бутики на Театральной площади, тем больше Роман мрачнел. Утреннее настроение улетучилось без следа. Все, буквально все прохожие глазели на него. Кто украдкой, а кто так прямо в упор, не стесняясь. Жена, не замечая настроения Романа, неустанно щебетала. Примеривала шарфики, из которых купила несколько, и вдобавок к ним летний кардиган. Как сорока на ветке, вертелась

перед зеркалом, спрашивая мнения мужа, но Роман молчал. Покусывал от злости губы и молчал. Вернулось ощущение, что это жена виновата в его увечье. Не война, не нацисты, а именно жена.

На пути попался магазинчик под вывеской «Чай, кофе».

– Зайдём, – кивнул Роман. – Купим кофе.

Кроме заявленного там оказалось множество прехорошеньких заварочных чайников, чашечек, блюдец, розеточек, менажниц и крохотных скульптур кисловодского фарфорового завода, на котором когда-то трудилась мать Романа. Посуда выглядела весёлой, привлекательной, так и хотелось взять в руки! У Ларисы глаза разбежались. Она возбуждённо перебирала чашечки разного размера, примериваясь к их объёму.

– А давай вот этот набор купим? Для чая! Нет, вот этот, с цветами! Какая прелесть! – ворковала она, не замечая тяжёлого взгляда мужа, но заметила, с каким любопытством смотрит на неё продавщица, милостивая белокурая женщина средних лет. Воодушевлённая посторонним вниманием, Лариса ещё больше разошлась и старалась показать, что может – при таком-то муже! – купить всё что душе угодно. Выглядела она жалко.

Роман стоял посреди фарфорового великолепия и чувствовал, как всё в нём закипает. Жена вела себя вульгарно. Продавщица переводила взгляд с него на Ларису, с Ларисы снова на него. На лице женщины застыло удивление.

– Ромчик! Можно я куплю набор, салфетницу и электрическую кофеварку? Как считаешь, какую лучше, коричневую или красную?

Лариса прыгала, перебегая от одной витрины к другой.

– Покупай что хочешь, – буркнул Роман.

Забыв о кофе, он встал у входа, дожидаясь, когда супруга удовлетворит своё тщеславие. Продавщица смотрела на неё с откровенным сожалением.

Домой вернулись часам к двенадцати. Лариса выгрузила покупки на стол и с таким же радостно-изумлённым видом, с каким делала покупки, стала вынимать посуду из коробок. Расставила в ряд. Примерила кардиган, набросила на голову новый шарфик. Восторженная, побежала к зеркалу. Насмотревшись на себя, вернулась к столу и вспомнила про Романа.

– Нравится тебе? А посуда, посуда! Чудо ведь, правда?

Роман свирепо взглянул на Ларису и одним движением здоровой руки смахнул посуду на пол. На звон выбежали отец с матерью и приковыляла бабушка. Родные смотрели на Романа с ужасом, не зная, что сказать.

– Ну что уставились, как на прокажённого? – крикнул и выскочил из дома.

Он бежал к церкви, которая была от дома в двух кварталах. Бежал, отталкивая прохожих, попадавших на пути, с одной только мыслью в голове: «Как жить? Прощать! Кира сказала – прощать! Как же прощать?» Чувствуя, что в церкви, в этом новом для него месте, возможно, есть ответ, Роман бежал. Туда! Не зря же монахиня сказала, что Бог ждёт его. Ждёт! Дома его тоже ждали, но только для того, чтобы пролить над ним слёзы и пожалеть.

В церкви сразу же наткнулся на священника, батюшку с окладистой седой бородой. Тот выходил из алтаря. К нему поспешили несколько женщин в платочках. Но священник увидел запыхавшегося Романа, безумный взгляд которого блуждал по храму, и отстранил прихожанок.

– Вы кого-то ищете? – спросил, приблизившись к Роману.

– Ищу. Бога, Он ждёт меня, – выдохнул Роман и вцепился в рясу.

– Отойдём, – священник увёл его в сторону. – У вас скорби? Вы... оттуда?

Кивнул на культю и, кажется, всё понял: и про СВО, и про ранение, и про то, как мучается Роман. Взгляд под седыми бровями наполнился состраданием.

– Батюшка, хочу покреститься. Прямо сейчас, – успокаиваясь, глухо сказал Роман. – Пока есть решимость. Можно? Очень надо...

– Господь разрешает в экстренных ситуациях. У вас, я вижу, острая потребность. Идём.

Торопливо вышли на улицу. Священник заскочил на минуту в церковную лавку, затем они пересекли двор, зашли в часовню. Роман оказался перед небольшим бассейном, углублением в полу. Вода в нём была синяя от цвета кафеля. Из-под купола глядел Иисус Христос. Глядел торжественно и твёрдо, словно подбадривал. Забежала женщина, подала простыню и крестик на верёвочке. Зажгла несколько свечей и вышла. Священник начал что-то читать – непонятное, странное. Всё происходило как бы в тумане, в котором туго слышались слова Священного Писания. В висках стучало. Батюшка помазал Романа чем-то душистым, пахучим и сказал:

– Раздевайся до трусов и спускайся в бассейн.

Роман мигом разделся и шагнул к ступенькам, ведущим вниз. Батюшка нагнулся и три раза, нажимая на голову, окунул его в воду со словами: «Крещается раб Божий Роман во имя Отца, аминь; и Сына, аминь; и Святаго Духа, аминь». Вода была прохладная, бодрящая. Роман держал культю над головой, чтобы не замочить бинты, и отфыркивался. Выскочил, накинул простыню и, ошеломлённый необычностью и важностью происходящего, замер перед священником. Тот снова помазал и повёл вокруг купели. Затем снова читал и, наконец, надел на Романа крестик.

– Поздравляю с вхождением в церковь Христову.

Романа била лёгкая дрожь, но не от холода, а от восторга. Он оделся, пригладил волосы и неловко перекрестился культёй.

– Иди с Богом, воин. Ангела-хранителя тебе, – сказал батюшка.

Роман направился к выходу, но, вспомнив, остановился.

– Хочу простить... всех, – сказал и поднял вверх культю, – но не могу.

– Тебе сегодня простились твои прежние прегрешения, ты тоже всех прости, отпусти обиды. Иди с Богом. Приходи, Он всегда тебя ждёт, не только сегодня.

Роман вышел и присел на лавочку. У него было чувство, как будто вернулся к самому себе – давешнему, жившему до СВО, у которого не было тяжкой ноши. Вот, оказывается, зачем его ждал Бог! Чтобы взять её, освободив тем самым Романа для чего-то хорошего, для продолжения жизни, для любви. Любовь! При этом слове в памяти возник образ Киры. Да, всё верно. Теперь он знает, что надо делать, потому что простил и спецоперацию, и командиров, и родителей, и Ларису, повинную лишь в том, что была жадной. Простил всех. И чистый, с чувством лёгкости в душе, отправится в тот городок, где памятной ночью он – с Кирой – впервые зашёл в церковь. Христос воскрес!